

ГОЛЛИВУДСКИЙ ПРОЛЕТАРИИ

**Алан Паркер:
"В мозгах у Микки
Рурка закоротило"**

Если бы Алан Паркер продолжал заниматься рекламой, он был бы богаче и веселее, и ему бы не пришлось впадать в грустную задумчивость при виде осаждавших его журналистов. Но слухи о

суровом характере нынешнего председателя жюри ММКФ не подтвердились: он был тих, благостен и элегичен, особенно когда речь заходила о забубенной головушке любимца женщин и режиссеров Микки Рурка. И его эксклюзивное интервью "МК" — тому подтверждение.

(Окончание на 7-й стр.)

Мое кино — 2004 — 24 июня — с. 17

ГОЛЛИВУДСКИЙ
ПРОЛЕТАРИИ

С 1-й стр.

ясно одно: боевики
их было 200, в Авт

в другом районе

ро Владивосток.
диозные плань
ума поглядел
наты из жиз-

ать

АЛТ
К

Алан ПАРКЕР:

"В мозгах

у Микки Рурка

закоротило"

— Что самое важное и
интересное для вас в кино?

— Для меня кино — оптимальный способ общения с людьми. Я пытаюсь делать фильмы, способные вызвать отклик у самой широкой аудитории, и в то же время целостные, заявляющие об определенной позиции.

— Вы предпочитаете американскую систему кинематографии английской?

— Не то чтобы предпочитаю... Я — англичанин, и было бы здорово, если бы в Англии был эквивалент американской системы, но его нет. Американская система дистрибуции мощна и сильна — лишь с ее помощью можно сделать так, чтобы твой фильм посмотрели в 50 различных странах.

— До прихода в кино вы были одним из лучших лондонских рекламных копирайтеров. Вы помните свою первую рекламу?

— Я уже тридцать лет не занимаюсь рекламой. Кажется, реклама "Шерри" — "бристольский крем" (фирменное название сладкого хереса высшего сорта. — Е.Т.). Это была моя первая полосная цветная реклама в газете. Звучит не очень, верно? (Смеется.) Но если бы я продолжал заниматься рекламой, то был бы намного богаче.

— Вы работали со многими известными актерами

— достаточно назвать Альберта Финни, Роберта Де Ниро, Микки Рурка, Уиллема Дефо. Вы следите за их дальнейшей судьбой? Звездный час Микки Рурк пережил в вашем "Сердце Ангела", а сегодня его карьера, мягко говоря, оставляет желать лучшего, и имя его связывают только с очередной скандальной дракой или громкой попойкой.

— Мне очень жаль видеть то, что случилось с Микки Рурком, потому что актер он был великолепный. Он прекрасно сыграл в "Сердце Ангела", и мне нравилось с ним работать. Но потом у него в мозгах как-то закоротило, и он решил стать чемпионом по боксу и сделал из своего лица боксерскую грушу. Очень печально, поскольку он — прекрасный актер.

— Тем не менее, если даже актер не уходит из профессии, дважды в своих фильмах вы его никогда не снимаете. Почему? Это ваш принцип?

— Нет, просто так получается. Например, я был очень доволен игрой Уиллема Дефо в моем фильме "Миссисипи в огне", и мы подружились...

И кто бы не хотел вторично поработать с Де Ниро!

Но дело в том — и пусть вам это не покажется странным! — для меня актер, сыгравший определенную роль, навсегда остается в ней. И мысль о том, что этот актер может сыграть какую-то другую роль, мной воспринимается как предательство по отношению к прежнему образу.

— Можете вспомнить свое наиболее яркое эмоциональное переживание на съемках?

— М-м-м... Пожалуй, когда мы стояли на балконе дома правительства Каса Росада в Буэнос-Айресе — на том самом балконе, с которого Эва Перон произносила свою речь. Да, когда мы снимали этот эпизод с Мадонной. Ведь именно там все в действительности и происходило. Мы проработали там две ночи. И когда утром всходило солнце, я испытывал ни с чем не сравнимый отклик в душе.

— Как вам работалось с Мадонной? Трудно?

— Во время съемок "Эвита" Мадонна выкладывалась по полной. Она — настоящий профессионал. Ну, конечно, она требовательно относится к тем, кто ее окружает...

— А требования ее разумны?

— Не всегда. Иногда с ней бывает трудно. Но у меня не было никаких проблем. Она с большим уважением относилась ко мне как к режиссеру, и мы отлично ладили. Нам пришлось долго общаться друг с другом: еще до начала съемок мы провели с ней четыре с половиной месяца в студии звукозаписи. И процесс звукозаписи был особенно сложен, потому что я должен был сразу принимать верные музыкальные решения, чтобы это потом органично влилось в ткань фильма. Четыре с половиной месяца общения с одним человеком — это много. Но она вела себя хорошо. Конечно, для множества людей Мадонна может стать настоящим кошмаром. Но ко мне она относилась идеально.

— Ваш фильм "Стена" на музыку "Пинк Флойд" стал культовым. А есть сегодня такая музыка, которая может вас вдохновить снять кино?

— Знаете, "Стена" — моя гордость. Но снимать ее было настоящим мучением. Это было столкновение разнообразных творческих "я" — моего "я" с "я" Роджера Уотерса из "Пинк Флойд"... В результате получилось что-то необычное. Оглядываясь назад, я понимаю: созданию творчески стоящей вещи необязательно должна сопутствовать приятная атмосфера. На самом деле "Стена" родилась из того напряжения, которое существовало между мной и Роджером, и вы, наверное, это чувствуете... Не знаю, какая музыка может меня вдохновить снять кино сегодня.

— Вы не хотели бы поработать с русскими актерами?

— Если я буду снимать фильм на русскую тему, это было бы здорово. Я бы очень хотел осуществить такой проект.

— А кого именно из русских актеров вы могли бы снять у себя?

— Боюсь, никого конкретно назвать не могу.

— Нужно ли Западу русское кино?

— Западу, да и всему миру в целом нужно разнообразие, нужны фильмы с иной точкой зрения, нежели точка зрения Америки. А американское кино доминирует почти во всех странах мира. Русский взгляд на вещи, выраженный в кино, русская точка зрения — это невероятно важно, как важна и сама Россия. Конечно, в России сейчас очень сложная экономическая ситуация, и нашему кино приходится нелегко. Возможно, какой-то прорыв будет сделан, когда закончится эпоха пиратских видеокассет в России. (Смеется.)

— Каким фильмом вы хотели бы остаться в истории кино и в памяти зрителей?

— Сложный вопрос. Я хотел бы остаться в истории собранием, корпусом своих работ. Мне кажется, все мои работы составляют единую, связную структуру, и я этим очень горжусь. За 28 лет я снял 14 фильмов, и нет ни одного, за который мне было бы стыдно. Как нет и ни одного, который был бы снят так, походя, без всяких оснований.

— Чего вы больше всего боитесь?

— Я не перестаю повторять самому себе, что мне невероятно повезло, что я стал кинорежиссером, — учитывая мое пролетарское происхождение. В жизни мне очень повезло. И каждый раз, думая об этом, я не перестаю изумляться тому, как повернулась жизнь. Иногда это рождает во мне чувство неуверенности, и я жду, что кто-нибудь вдруг хлопнет меня по плечу и скажет: "Игра окончена. Убирайся-ка назад в Северный Лондон".

Егор ТОЛСТЯКОВ.

258